

ПЕРСОНА

PHOTOXPRESS

моего труда. А с другой — ну надо же хоть как-то разбираться.

— Ладно, но теперь-то вы женитесь? Или тоже репетиция?

— Женюсь.

— Значит, нет дыма без огня. Чего было судиться тогда?

— Нет, я судился, когда написали, что у меня тайная жена, где-то там в Сергиевом Посаде. Что я ей две машины, две квартиры подарил. И фотографию поставили — во-о-от (показывает руками) такой свиноматки.

— Вот вы на что обиделись?

— Ну ладно, у меня тайная жена, какая-то тайная любовь, может, где-то и была. Но что до такой степени тайная?! Нет, я понял: это действительно нужно в тайне держать, это скрывать надо, это показывать нельзя.

— Ваша явная невеста — очень красивая, кстати, девушка — сказала, что свадьба будет весной.

— Не важно, какая разница. Будет? Будет, да.

— Долго вы держались. Как же ей удалось обломать такого закоренелого холостяка?

— Никто меня не обламывал, я просто полюбил эту женщину.

— Тяжелый шаг — решиться на женитьбу?

— Очень приятный шаг.

— Если приятный, расскажите, как все развивалось.

— Нет. Это же наша история, почему я должен ею делиться? Делиться можно хлебом, деньгами. Но любовью делиться нельзя. Зачем рассказывать, кому? Если человек об этом рассказывает, он врет. Я сейчас могу придумать вам такую романтическую историю — Красная площадь будет 9-й автобазой. Правду знают только два человека: она и я... Все-таки это еще и очень серьезный шаг. У меня есть коллеги, которые шесть раз были женаты, семь раз. Я не такой. У меня это вторая попытка в жизни.

— Скажите, правда, что Юлю вы увели у своего друга-бизнесмена?

— Чуть собачья абсолютно. Она была свободной женщиной, была разведена. Ни у какого друга я ее не уводил.

— А кто вас познакомил, где это было?

— Не надо.

— Писали, колечко с бриллиантом невесте купили, машину подарили.

— Чего еще подарил? Я не могу обсуждать бредные идиотские, понимаете? А почему нужно обязательно к свадьбе дарить кольцо? Почему так просто не подарить? И машину можно подарить. Будут деньги, подарю машину. Заработаю и подарю.

— Еще момент, Александр Гаврилович. Юля беременна?

— Спросите у тех, кто об этом написал, — видите, они знают больше, чем я... Нет, это не так.

"ЖЕНИТЬБА" ФИГАРО

"Не знал, что у меня настолько тайная жена"

— Да, сказочник. Одну сказку... а может, и не сказку, вы рассказали мне пару лет назад. Что не можете жениться, поскольку повенчаны с Алферовой.

— Нет, я не мог такую глупость сказать. Жениться я могу хоть 150 раз. Я венчаться не имею права... Хотя сейчас дай сто долларов — и тебя развенчают. Но! Венчаться второй раз нельзя. Потому что я венчался перед Богом, а не перед попом.

— Все правильно, справедливо. Но Ирина Алферова говорит, что все это ваши выдумки — никакого венчания не было.

— Ну... Значит, она не венчалась. Что я могу еще сказать?... Значит, не было Елоховской церкви, ничего не было...

— Наверное, вы частенько пикируетесь, когда встречаетесь?

— Нет, мы чудно работаем, в одном спектакле вместе играем, в кино снимаемся... Тоже, кстати, какую-то чушь написали про фильм, что мы там орали друг на друга. Понимаете, вот приходит человек в павильон, а мы репетируем сцену. Но он-то не понимает, что это репетиция идет, и — а-а-а, о-о-о! То есть идет процесс рабочий, а они это хавают за чистую монету. Что ж, замечательно, значит, я так убедительно играю свою роль. С одной стороны — спасибо, это оценка

"Пишете чушь собачью — платите деньги"

— Александр Гаврилович, скажите честно, не пожалели еще, что ввязались в судебные тяжбы?

— А чего жалеть? Вот мы сейчас второй суд выиграли...

— Да, сто тысяч получили. Фактически как рекламный агент: в каждом номере вражеского издания — стенограмма процесса, тираж растет. Выгодное вложение денег, не правда ли?

— Ну да, все равно все эти разговоры о цивилизованном обществе у нас пусты. Когда наши депутаты Госдумы публично снимают мигалки, я это называю: "Акция: пчелы против меда". День они не ездят, другой — потом снова. Я ведь живу по этой трассе, все вижу.

— Вы не тем же занимаетесь? Актер Александр Абдулов против прессы — не те же "пчелы с медом"?

— Вот все вы извращаете. Это ведь не значит, что про меня не надо писать. Про меня надо писать! Только писать правду. А не придумывать типа: напишу-ка я, что у Абдулова забор. Все время меня пытаются представить как какого-то борца с прессой. Ни в коем случае не хочу этим заниматься: пресса у нас замечательная, у меня много друзей-журналистов. Которые пишут серьезные статьи; которых читаешь и видишь, что мозги у человека, а не пересказ того, что тетя Дуся рассказала в подъезде. Я против этого.

— Давно стали таким законопослушным и цивилизованным? Раньше, помнится, чуть что — в морду. Разбили камеру фотографа, поставили фингал Кушанавили, чуть не выломали дверь в приемную редактора...

— А как еще надо было, если у нас законы не действуют, как еще? Ну я бил морду. Когда-то. Но сколько можно? Да и надоело.

— Теперь интереснее писать письма президенту с просьбой защитить мастеров культуры от произвола прессы?

— Ну если мы на каждом углу кричим, что у нас правовое общество, что у нас демократия, коммисий одних черт-те сколько. Что, мол, давайте жить по закону — нас призывают к этому, правда? Но ведь никто же не живет по закону. Законы как нарушались, так и нарушаются.

— И вы требуете высшей справедливости?

— А к кому еще обращаться? Выше президента у нас в стране никого нет.

— В нашей стране коллективные письма, как правило, дурно пахнут.

— Почему?! Я что, просил себе квартиру? Я хлеба просил? Что я просил? Я просил, чтобы восторжествовала справедливость. Чтобы законы, которые у нас принимают, работали. Позвольте: если вы что-то требуете от меня, то и меня послушайте. Извините, я вас выбирал — давайте вы тоже защитайте мои права. Если хотите, чтобы мы в нормальном обществе жили. Никакого отношения к "дурно пахнут", "борьба с прессой"... Ведь кто так говорит? Бездарности говорят.

— Разные люди говорят...

— Это бездарности говорят! Потому что если их сейчас закуют, они потеряют работу, потеряют зарплату. Вот и все!.. А я бы закрыл некоторые газеты, честное слово. А уж если, ребята, вы хотите писать такую чушь собачью, то платите деньги. Вы ведь на этом зарабатываете деньги. Вы на мне зарабатываете!

"С Алферовой ругаемся только на репетиции"

5. Дело Сухово-Кобин...

Венеции (1991) 48. На...

золотым подно...

Сумасшедша...

Женюсь! Какие могут быть игрушки?"

сейчас мараются в этом я не хочу. Мне не интересно, скучно, глупо!

— Согласитесь, сложно представить, что в тех же Штатах соберутся Майкл Джексон, Мадонна, кто еще... Том Круз, про которых пишут все что угодно, — и накажут гневную телегу Бушу. Абсурд, правда?

— У нас страна такая. Поэтому мы и не живем в Америке. Причем там они судятся и выигрывают миллионы. Они разоряют издания. Потому что там существует закон. Наоми Кэмпбелл, читал, проходила по улице мимо наркологического центра, какой-то фотограф снял ее на фоне вывески — потом написали, что у нее проблемы с наркотиками. Так она подала в суд на издание и выиграла два миллиона долларов.

— Не-не, по-другому было. Насколько я помню, издание выплатило ей несколько тысяч долларов. Потом был встречный иск, доказали, что Наоми солгала под присягой, и модели пришлось раскошелиться на судебные расходы — около миллиона долларов.

— Не знаю, я знаю первую часть этой истории.

— Не кажется вам, что лучше и логичнее было бы просто не обращать внимания на подобные публикации? Не читать за обедом советских газет.

— Кстати, профессор Преображенский в этом смысле был прав абсолютно. Но как все-таки хочется ощущать себя гражданином этой страны, понимаете. А не просто — что снял квартиру на время. Я не собираюсь отсюда уезжать, я хочу жить в этой стране, хочу чувствовать себя здесь хозяином. Кто-то может не обращать внимания — ну и ради бога. Я — не могу. Считайте, что это свойство моей природы.

— И главное: результата — ноль...

"Могу и на Красной площади жениться"

— Как-то сказали, что из-за подобных публикаций теряете деньги, потому что портится ваш имидж. Но вы ведь знаете, наверное, что рекламы со знаком минус не бывает?

— Бывает.

— О вас постоянно говорят, ваше имя на слуху. Популярность, как ни крути.

— Какая популярность? Зачем мне такая популярность? Не надо меня с шоу-бизнесом-то путать. Мне 53 года, я народный артист, лауреат всех премий. Мне сейчас доказывать, что я не верблюд?! Я работаю в лучшем театре, я всем уже все доказал. Потом, кровью харкая. Поэтому

Миллионер, врач, бизнесмен... Дружим уже лет 30. Собраться можем где угодно: на Северный полюс летали, все время на рыбалку ездим.

— Вы умеете дружить?

— Ох, это очень трудное дело — уметь дружить. Хочу верить, что да.

— Вы всегда очень тепло рассказываете про своих коллег: про Леонова, про Пельтцер. И видно, что человек вы очень тонкий, чувствительный. В жизни приходится это прятать?

— Ну а сейчас время такое, сейчас не модно быть мягким, добрым.

— А что это за время? Это ваше время?

— Нет, ни в коем случае не мое.

— Вы же востребованный, супервостребованный.

— А я что, до этого не был востребованным, что ли? Я работаю сейчас, значит, просто я умею работать. Другое дело, что время мне не очень нравится, даже не могу объяснить, чем. Больше фальши стало, больше злых людей, озлобленных, все разобщены. У меня такое ощущение.

— А сами себе вы нравитесь в это время?

— Как-то не думал. Я работаю и работаю. Вот мы с другом моим, с Володей Фатьяновым, сейчас снимаем кино, комедию — к следующему Новому году. В апреле начинаем снимать большую картину — "Гиперлоид инженера Гарина".

— Ну это давняя история, помню — Костя Цю там должен сниматься.

— Да-да, Цю. К сожалению, не договорились — вчера мне позвонили — с Миллой Йовович.

— Сколько она запросила?

— Нет, там просят много, но вопрос в другом — она на два года вперед расписана. Не получилось... Что еще — сейчас репетирую "Женитьбу" в театре, Подколесина...

— Надо же — точно в тему. Но скажите, вообще вас тяготит публичность? Боитесь толпы?

— Знаете, глупо говорить, что тяготит. Я же этого хотел...

— Вот эти все взгляды, пальцы, окрики?

— Ну что делать, ради этого я пошел в артисты. Меня очень забавляет, когда некоторые мои коллеги говорят: я не люблю аплодисменты, автографы. Чушь собачья.

— Но здесь, в театре, вы как в ракушке. А на улице выйдете — дискомфорт?

— А я стараюсь даже не выходить на улицу. Вот сейчас поеду на юбилей к товарищу. Из машины — в подъезд, поздравил — поехал домой.

— А прогуляться — по Александровскому саду, скажем, — иной раз не хочется?

— Хочется. Но быстро очень желание пропадает. За границей я гуляю замечательно: когда тебя никто не знает — это потрясающе. И все равно находятся наши сограждане: "Ой, смотри, Абдулов пошел!"

— Разве это может не раздражать?

— Ну почему это должно раздражать? Это твоя публика: они рады, что видят тебя живьем, хотят пощупать. Старушка какая-нибудь подбегает: "Я выросла на ваших фильмах". Еще был случай гениальный. Подошел ко мне человек: "Можно автограф?" Я говорю: "У меня ручки нет". "Ну как хочешь", — говорит. "И ушел. Или такая ситуация. Я с Делоном шел — попросили сопроводить его. Идем по улице Горького: ко мне подходят брать автографы, к нему — нет. Потому что никто не мог поверить, что это Аллен Делон. И вот он переживал дико. Люди подходили, я им так, сквозь зубы: "Это Аллен Делон, возьмите у него автограф". На меня смотрели как на идиота: "Да ладно", — говорят... Нет, ну а если и неприятно, что — терпи, выдержи производство.

— Вот странно. А публикации скандальные — разве не издержки производства?

— Я вранья не люблю, понимаете, в чем дело? Пишите вы, что угодно... Знаете, я сейчас хочу газету сделать. Называется "Вранье". "Вранье"! Вот если слово правды там будет, подавайте в суд. Вот написано (вычеркивает пальцами газетную "шапку"): "ВРАНЬЕ"! Официально. Вот я вру! Мне кажется, будет очень популярная газета.

— Ну да, газета "Правда" сейчас не очень популярна... О ком писать собираетесь, о себе?

— О ком угодно. Поверьте, фантазии-то хватит. Напридумывать таких историй, что мало никому не покажется.

Дмитрий МЕЛЬМАН.